

Отчет
о работе Маргианской археологической экспедиции
во время весеннего полевого сезона 2013 г.

Во время весеннего полевого сезона 2013 г. экспедиция продолжала раскопки дворцово-храмового комплекса Гонур Деппе в рамках Соглашения о сотрудничестве между Национальным Управлением по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана и Институтом этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. В ее работе, кроме руководителя экспедиции В.И. Сарияниди, принимали участие: зам. рук. экспедиции Н.А. Дубова (Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва), религиовед В.Ю. Крюкова (Музей антропологии и этнографии, Кунсткамера РАН, г. Санкт-Петербург); Р.М. Сатаев (археозология, археозоология) (Башкирский государственный педагогический университет им. Акмуллы, г. Уфа); археолог из Немецкого археологического института (г. Берлин, Германия) Н. Бороффка; археологи – специалисты по изучению древнего металла Э. Перничка и С. Краус (оба – Университет г. Тюбингена, Германия); археолог из Москвы М.М. Потапов; археологи из Музея Мияо (Япония) – Х. Инагаки и С.В. Лаптев; топограф М.А. Бочкарева (Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург), архитекторы В.И. Артемьев и А.М. Урманова (оба – г. Ташкент, Узбекистан); сотрудник Института истории АН Туркменистана О. Сапармаммедова (г. Ашхабад); инспектор заповедника «Древний Мерв» (г. Байрамали), реставратор М.И. Беглиев. Ввиду не постоянного присутствия Н.А. Дубовой на месте раскопок по семейным обстоятельствам, часть полевой информации (описание части погребений, помещений) собиралась также М. Беглиевым. Как и в предыдущие годы, кроме собственно археологических раскопок, проводились комплексное изучение разных артефактов, как найденных в течение данного, так и во время предыдущих полевых сезонов, а также

архитектурные и топографические исследования. Реставраторы из Государственного НИИ реставрации Министерства культуры РФ (г. Москва) Н.А. Ковалева и Г.Э. Вересоцкая продолжили реставрационные работы над мозаичными композициями, найденными экспедицией на Гонур Депе в 2004-2009 гг., в помещении Государственного Музея изобразительных искусств в г. Ашхабаде.

Археологические раскопки

Продолжались раскопки на нескольких территориях Гонура: на северо-востоке комплекса (северная часть Раскопа 18), на территории южнее Царского некрополя Гонура (Раскоп 22) и на юго-западе памятника, как внутри, так и за пределами обводной стены (Раскоп 12).

Раскоп 12.

В результате выветривания и размывания верхних слоев почвы, южнее ранее раскопанных помещений были прослежены и далее раскопаны помещения 28-39, 41-45 внутри обводной стены и 40 за ее пределами (рис. 1). Пом. 28-39 никак не связаны с ранее вскрытым зданием на этом раскопе. Между ними находится свободное пространство, где, по-видимому, в последний период обживания Гонура были устроены довольно бедные погребения. Все погребения – впускные, нет оснований связывать их с периодом жилого, хозяйственного или ритуального использования. Назначение всех этих помещений, также как и пом. 41-45, являющихся их продолжение на север, ближе всего к хозяйственному, т.к. ни одного ритуального очага, никаких свидетельств проведения ритуалов не выявлено. Имеются только круглые и овальные ямы в полах помещений, а также несколько обычных ниш в стенах. Сохранность стен – от 30 до 50 см. Основная часть находок в пом. 28-39 – фрагменты керамики и небольшое количество костей животных. Наиболее яркой находкой в этой части раскопа явился каменный (оникс) сосуд на высокой ножке. Он был найден в юго-

западном углу пом. 28 на глубине 30-35 см от уровня пола. Ближе к центру того же помещения, в заполнении на глубине около 20 см найдена бронзовая перегородчатая печать в крестовидным орнаментом.

План Раскопа 12, южная часть

Бронзовая печать из пом. 28 на раскопе 12

Каменный сосуд из пом. 28 на раскопе 12

пом. 33 в заполнении на высоте около 25 см от пола найден фрагмент от терракотовой статуэтки – стопа и прилегающая часть ноги. В верхних слоях над южными помещениями этой части раскопа найдена голова от женской терракотовой статуэтки с короной. В северо-западном углу пом. 45 без связи с погребениями найдено тонкое бронзовое кольцо и бронзовый же простой браслет. В заполнении пом. 43, в юго-восточной части на глубине около 10 см от пола найдена костяная булава.

Раскоп 12, пом. 40, вид с юго-востока

На стенах между пом. 44 и 43 прослежен контур белого цвета толщиной до 5 см и глубиной до 1 см (110 см с севера на юг x 90 см с запада на восток). Возможно это – остаток глиняной емкости, стенки которой были обмазаны белым раствором.

Особое положение занимает пом. 40, раскопанное за пределами фрагмента обводной стены. Оно имеет подпрямоугольную форму и вытянуто с востока на запад и имеет размеры 6,6 x 3,1 м. Его связь с южнее

расположенными комнатами, раскопанными в предыдущие сезоны, пока не установлена (раскопки будут продолжены осенью). В его северо-восточном устроена тумба из двух рядов стандартного (45x20x12 см) сырцового кирпича размером 90 x 50 см. Наверху тумбы находилось скопление золы и углей, внутри которого найдено 2 бараньих альчика, лежавшие рядом друг с другом. В полуметре от этой тумбы к юго-западу на полу помещения найден раздавленный археологически целый крупный керамический сосуд с широким горлом. В северной стене помещения, в 1 м от северо-западного угла устроен бытовой очаг с хорошо сохранившимся сводом и дымоходом. В середине западной стенки помещения – устроен проход? (или ниша?) шириной 60 см, на полу которого лежит толстый слой золы с углями

(толщина до 15 см).

Глиняная фигурка быка из пом. 40 на Раскопе 12

В южной стенке этой комнаты сохранились остатки задней стенки очага, располагавшегося в помещении, которое было далее к югу (следов этого помещения не было обнаружено). С запада к этой

стенке примыкает специально сооруженная из глины емкость, имеющая ширину 75, а глубину 30 см. Внутри емкости находились несколько разрозненных костей животного (баран/коза), мелкие фрагменты керамики, кусочек бронзового шлака, бронзовый стержень, колечко (диам. 1 см) из слабо обожженной глины, а также – несколько фрагментов от глиняных фигурок животных. Наилучшим образом сохранилась фигура быка и фрагмент согнутой в суставе конечности. Данные находки говорят о том, что это помещение вряд ли могло быть чисто хозяйственным, тем более жилым. Скорее всего, здесь проводились некие обряды, возможно, связанные со

скотоводством.

Некоторые погребения на Раскопе 12.

Здесь и на других раскопах все описания погребений проводились Н.А. Дубовой, частично (во время отсутствия Дубовой) М.Ы. Беглиевым при контроле со стороны В.И. Сарияниди; антропологические определения проводились Н.А. Дубовой и О. Сапармамедовой.

Всего на этой территории было раскопано 23 погребения (табл. 1). Здесь приводятся описание наиболее интересных из них.

Одним их первых на Раскопе 12 было раскопано ямное погребение № 4254 (90 х 75, глубина 40 см).

Погребение 4254 на южной части Раскопа 12. Вид с востока.

Его продольная ось располагалась перпендикулярно к южной стене пом. 134 (Раскоп 16, предыдущие сезоны работ). Погребенный мужчина средних (30-

45) лет лежал на левом боку, головой на север в обычной позе с согнутыми ногами и кистями рук перед лицом. В области лба находилась обычная стеатитовая биконическая бусина, а около левого виска – круглый амулет из

белого камня. На одной стороне амулета изображен кружковый орнамент, вокруг которого расходятся лучи (по всей видимости, символ солнца), а на другой – крестовидный рельефный узор в виде трех линий, прочерченный с помощью трехгранного инструмента.

Раскоп 12, погр. 4259 в пом. 29. Вид с запада

В центре пом. 29, под полом найдено подбойное (с уступом) погр. № **4259** (170 x 120 см при глубине 70 см), в котором хорошо сохранился заклад. Тело взрослой (40-50 лет) женщины лежало на правом боку, головой на запад. Левая плечевая кость лежала вдоль грудной клетки, предплечье – по талии. Правая плечевая кость находилась под банковидным керамическим сосудом, а предплечье – также около талии. Кисти обеих рук были между бедренными костями. Ноги – согнуты в коленях, так, что эти суставы находились на уровне грудной клетки; пятки подтянуты к тазу. Между коленями и нижней челюстью находилось 2 сосуда – тот, что стоял на правом плече, и еще один – красноглиняный. Около этих сосудов лежал фрагмент

Раскоп 12, погр. 4259, общий вид подбоя с юго-запада

грудной клетки молодого барана/козы. Еще один фрагмент реберной части барана находился в северо-восточном углу подбоя. У затылка помещена ваза на ножке, рядом с ней – миниатюрный приплюснутый круглый красно-ангобированный сосудик (внутри него лежали 3 обычные стеатитовые биконические бусины), предмет из кости животного без дна [*В описи – под инв. № 51 - ошибочно указано, что он из погр. 4270!*] и каменный бочонковидный косметический флакончик [*В описи – под инв. № 50 - ошибочно указано, что он из погр. 4270!*]. На темени (по-видимому, для крепления волос) лежали 3 целых и 2 фрагмента костяных булавок.

В северо-восточном углу пом. 33 устроена циста **№ 4270** (135 x 95 x 66 см), в западной стенке которой имеется большой грабительский лаз (120 x 90 см). Погребенная молодая (18-22 года) женщина лежала на спине, согнутые ноги стояли вертикально коленями вверх. Это можно было определить только по положению костей ног, частично таза, позвоночника и черепа. Большая часть человеческих останков находилась в грабительском лазе. Там же был найден 1 миниатюрный керамический сосуд и несколько фрагментов крупных керамических изделий.

Погр. 4270 в пом. 33 на Раскопе
12. Вид с запада

Серебряные изделия (сережка и заколка для
влас) из погр. 4270

Бусы из камня, подвергнутого термической обработке, из погр. 4270

В результате того, что несколько кирпичей свода упали внутрь восточной части цисты до

ограбления, сохранилась часть погребальных приношений. Это – 3 костяные булавки (одна из которых имеет навершие в виде сжатого кулачка), 1 серебряная сережка, 1 сильно поврежденная серебряная заколка для волос с ажурным навершием в виде восьми-лучевой звезды и др. орнаментами [В описи находок ошибочно указано, что эта заколка из погр. 4259!]. Около головы находились бусы (из белого и серого камня, подвергнутого термической обработке). Также около головы стояли 3 керамических сосуда (1 банковидный, 1 небольшой кубок на ножке и 1 ваза на ножке).

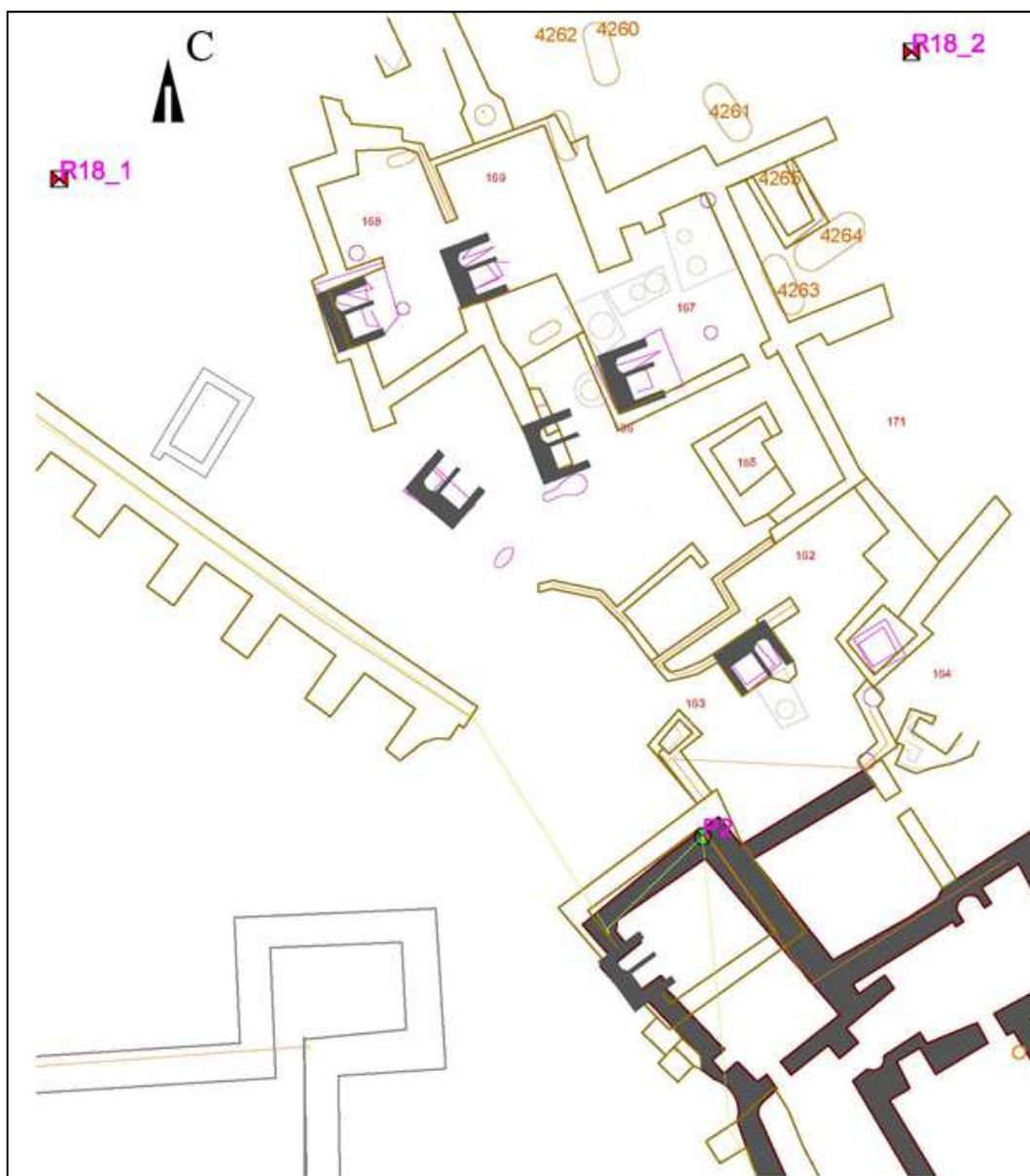
Стеатитовая биконическая бусина из погр. 4277

Во дворе (пом. 35) было устроено погребение в подбое с уступом № 4277 (190 х 130 х 85 см), продольная ось которой ориентирована с северо-запада на юго-восток. Там была похоронена женщина старшего возраста (45-55 лет). Она лежала на правом боку, головой на северо-запад. Кисти рук находились около груди под нижней челюстью; локтевые суставы – на середине бедра. Около локтей стояло 2 миниатюрных, а в северной части подбоя – еще два, но обычных размеров сосуда (1 банковидный у темени, и 1 сужающийся кверху). В правой кисти была зажата стеатитовая биконическая бусина с гравированным

геометрическим орнаментом, раскрашенным красной краской.

Раскоп 18

Было продолжено вскрытие помещений на северо-востоке комплекса – северная часть Раскопа 18. На этой территории удалось полностью проследить ход обводной стены Гонура, которая здесь проходила в непосредственной близости от северо-восточной угловой башни каре (второй ряд стен, окружающих дворец и кремль).

План северной части Раскопа 18, раскопанной весной 2013 г.

Группа комнат 157-162, раскопанных в предыдущие сезоны, относящиеся к первому строительному

периоду, устроены сразу за фрагментом этой стены. Те помещения, которые были выявлены весной 2013 г. (№№ 163-172), расположены далее к северу и северо-востоку. Они были выстроены в более позднее время и образуют самостоятельное здание, хотя имеются и фрагменты стен между ними.

Комнаты 163-172 отличаются наличием почти в каждой из них двухкамерных ритуальных очагов. Это тем более бросается в глаза, т.к. в ранее изученном комплексе имеется всего один такой очаг. Определенный интерес вызывает пом. 167, в котором такой очаг занимает весь юго-западный угол. Духовка очага имеет наклон наружу. Ее стенки обмазаны толстым (до 3 см толщиной) слоем глины. К востоку от печи в пол вмазан зум диам. 50 см. Второй такой же – также вмазанный в кирпичную выстилку (см. далее) – находится в северо-восточном углу комнаты. В 80 см к север от двухкамерного очага к западной стене помещения пристроено возвышение 150 (с запада на восток) x 90 (с севера на юг) см, высотой 30 см (2 ряда кирпичей). В нем находятся (также днищем вмазаны в слои кирпичей) 2 круглые емкости (западная имеет диам. 45 см., а восточная – 53 см). Обе имеют глубину 15 см. Их стенки практически вертикальные и сделаны из толстого слоя (до 3 см) глины.

Фрагмент северной части пом. 167 на Раскопе 18. Вид с юга.

С восточной стороны от этого возвышения с хумами находится более низкая (15 см высотой) кирпичная выстилка, которая занимает все пространство от него до восточной и северной стен комнаты 167. Эта выстилка имеет размеры с севера на юг 240 , а с запада на восток 170 см. В полуметре от возвышения с хумами и в 90 см от низкой выстилки устроено еще две емкости: южная (диам. 55 см) и северная (диам. 40 см). Глубина обеих – 7 см; толщина глиняных стенок 2, 5 – 3 см. Расстояние между ними – 25 см. С восточной стороны от южной емкости лежал бараний альчик; еще один альчик найден перед духовкой двухкамерного очага, прямо в середине ее внешнего края.

Около южного края выстилки устроен небольшой кирпичный выступ (высота – 4 кирпича плашмя), который заканчивает более высоким «столбиком» из кирпичей (5 рядов), уложенных перпендикулярно ему. «Столбик» имеет грушевидную форму, которая выдержана по всей его высоте. Между выступом и стеной, общей для этой и соседней с севера (№ 169) комнаты сделана ниша. Уровень пола в ней, как и в той части пом., где находится двухкамерный очаг. В полу ниши имеется овальное углубление (длина 60, ширина от 30 в центре до 20 см по краям). В нем также лежал бараний альчик. В 10 см к востоку от этого углубления на полу комнаты находилось ребро КРС или верблюда(?). На высоте 25 см над этой костью в угол ниши был вмазан крупный хум, от которого сохранилась только часть стенки.

Проход в пом. 169 устроен рядом (с северной стороны) с возвышением. Порог находится на высоте 15 см над полом. Ширина прохода – 70 см. Второй вход в пом. находится в его южной стенке, в самом юго-восточном углу (ширина 65 см). Порога нет (уровень пола).

В верхнем слое на этой территории найдена глиняная голова быка.

Погребения на Раскопе 18

На описываемой территории раскопано 7 погребений, все – за пределами помещений: 1 камерная могила, 2 ямные и 3 – подбойных (без уступа; 1 из

которых кенотаф) и 1 разрушенное (кости ребенка в заполнении погр. 4260). Еще одно детское погребение на Р 18 было раскопано внутри стены каре, с ее наружной стороны. Выявлено в результате выдува и размыва обмазки и самой стены, раскопанной несколько сезонов назад.

Погребение 4265 на раскопе 18. Вид с северо-востока

Наибольший интерес, несмотря на ограбление в древности, представляет погр. 4265, устроенное за пределами восточной стены пом. 157, во дворе 170. В котловане с общими размерам 325 см с севера на юг и 180 см с запада на восток (глубина юго-западного угла 50 см) из сырцового кирпича сооружена по всей видимости камера (точно утверждать невозможно в связи с разрушением стенок грабительским лазом (110 на 70-80 см). Верхний край стенок камеры находится над первым полом помещения, но он был перекрыт в более позднее время вторым полом (на глубине 30 см). В грабительском лазе найдено множество бусин из полудрагоценных камней (сердолик, лазурит, бирюза, белый камень), фрагментированная бронзовая булавка с наборным навершием и отдельные кости человека. В заполнении камеры

найдено несколько фрагментов от крупных хумов, круглая печать с изображением растения из белого обожженного камня, полусферическая пуговица из того же камня и 1 ноготь крупной птицы.

Часть погребальных
приношений из погр. 4265
на Раскопе 18

Положение костяка не определяется, т.к. ограбление проводилось тогда, когда мягкие ткани уже полностью разложились, и грабители раскидали все кости, включая позвонки, в разные места. Тело было уложено на кирпичную выстилку (100 см с севера на юг и 60 см с запада на восток), устроенную вдоль восточной стенки камеры, в ее северо-восточном углу. Именно на этой выстилке найдено значительно число разрозненных костей, принадлежавших одному взрослому мужчине 35-45 лет.

Вход в камеру устроен в ее южной стенке. В нем сохранилось 2 кирпича, поставленных вертикально на короткую сторону. Снаружи от стенки камеры, в юго-западном углу установлен круглый крупный керамический сосуд. Перед проход на полу лежал фрагментированный (по всей видимости, в результате ограбления) скелет барана (присутствовали голова и передние конечности).

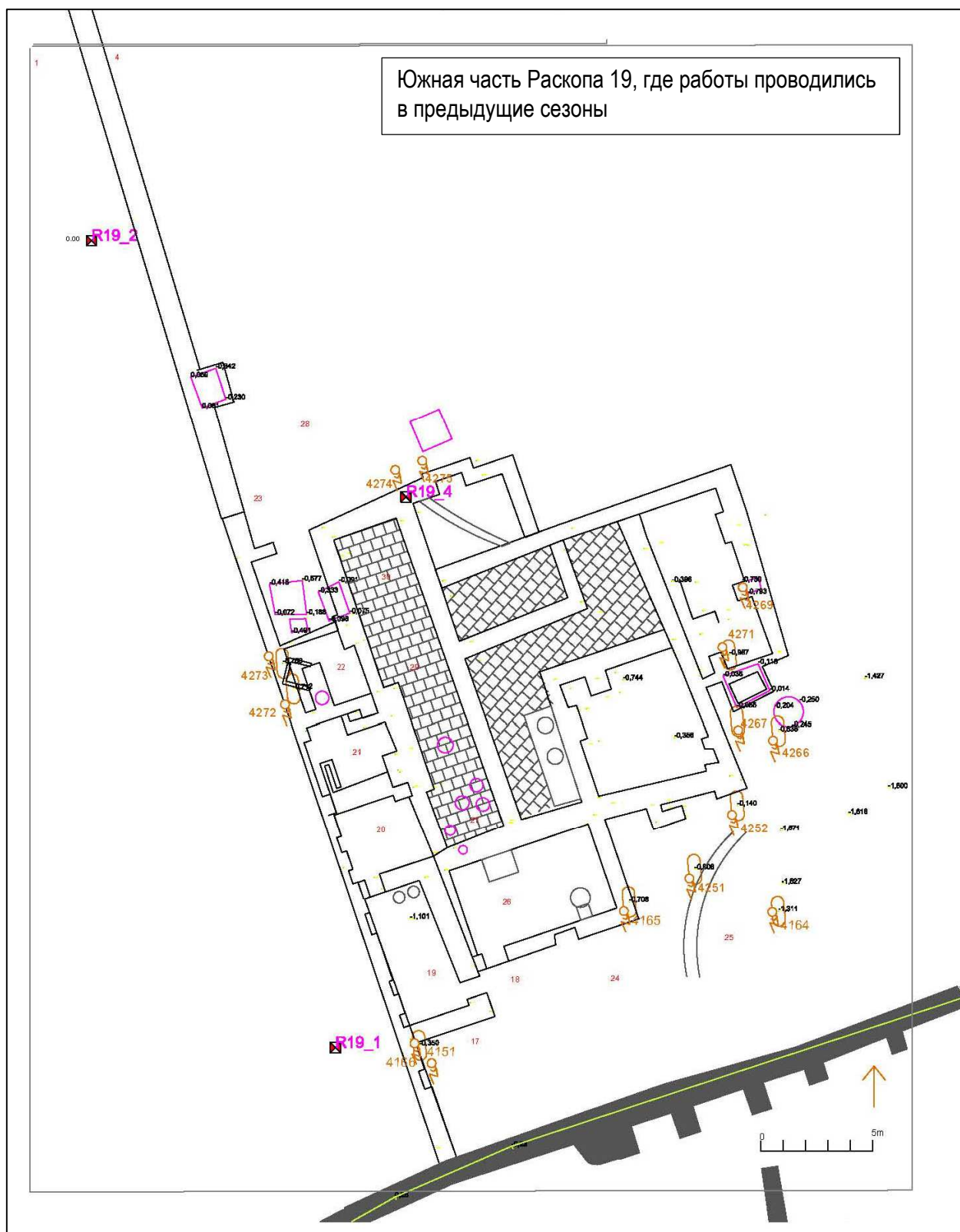
Раскоп 19

Работы на этом раскопе, расположенном на северо-западе комплекса за пределами обводной стены, продолжались, как и в предыдущий сезон, под руководством Н. Бороффки (Германия).

К югу, непосредственно у обводной стены городища было продолжено вскрытие ряда помещений более раннего строительного этапа. В северной и восточной частях раскопа выявлены новые помещения, которые раскопаны нами по уровню верхнего пола. Таким образом, раскопками установлено, что это было большое здание, возведённое из сырцовых кирпичей (25х22 м), состоявшее, как минимум, из 11–12 помещений и неоднократно перестраивавшееся. К настоящему времени выявлено три уровня полов, соответствующих трём этапам жизни Гонур-депе.

Центральные и северные помещения особенно интересны, поскольку их полы выложены кирпичами, что довольно редко встречается на Гонуре. Зондирование северной части здания показало, что толщина культурного слоя здесь достигает 2 м, так что их последовательное вскрытие будет продолжено в следующих сезонах.

В северной части раскопа 19 в 2012 г. было раскопано однокомнатное сооружение с несколькими захоронениями. Все погребения были разграблены ещё в древности, и, судя по сложности конструкции и сохранившимся находкам (керамика, золото, слоновая кость, фигурки), были очень богатыми. В 2013 г. было вскрыто ещё два погребения данного типа: в больших овальных ямах с кирпичным перекрытием. Они также были разграблены, но, кроме обычной в таких случаях керамической посуды, здесь

опять было найдено несколько предметов из драгоценных металлов и слоновой кости. В каждое из этих погребальных сооружений помещали по два тела, чьи черепа были смещены (в одном случае) или лежали в грабительском лазе (во втором случае).

Далее к северу расположено несколько вырубленных в материке

наклонный внутрь, ширина его 1 м. Глубина всей конструкции составляет 2,3 м от уровня современной дневной поверхности. На полу внутри сооружения расположен зольник с кусочками медных шлаков, маленький горн, фрагменты тиглей и мелкие обломки литейных форм. Выше, на глубине 1,4 м лежали скелеты нескольких животных (частично в анатомическом порядке), среди которых есть козы/овцы и коровы (см. далее отчет археозоолога Р. Сатаева).

К югу и юго-востоку от захоронений расположено ещё одно большое здание. В 2013 г. была раскопана только часть здания, восточная его половина перекрыта старыми археологическим отвалами. Пока установлено наличие 16 помещений, стены которых отличаются необычной для таких заурядных конструкций толщиной (80–100 см). Поскольку ни в одном из них нет очагов, пока можно только предположить, что данное сооружение являлось каким-то специальным общественным или ритуальным центром.

Находки из раскопок, как обычно, представлены изделиями из керамики, металла, камня и кости. В погребениях, как сказано выше, были также предметы из золота и слоновой кости. Посуда, в основном, изготавливалась на гончарном круге и представлена хорошо известными для Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) формами. Следует заметить, что в раскопках совершенно отсутствуют печати (каменные или металлические), которые, как правило, в том или ином количестве всегда находят на Гонуре.

Погребения на Раскопе 19

Всего на этой территории раскопано 37 погребений, устроенных в основном в грунтовых ямах (30 могил). 1 погребение (№ 4290) – в цисте; 1 сложное, отмеченное выше (№ 4300) – в котловане; 1 (№ 4294) – в заброшенном очаге и 4 детских в хумах.

Циста **4290** устроена в 2,5 м к востоку от погр. 4155, раскопанного в прошлые сезоны, и в 1,5 м к северу от пом. 45, от его северо-западного угла. Продольная ось – с север-запада на юго-восток. Размер котлована – 4,1 x 2,6

м. Высота стен внутри котлована – 130 см, до края котлована от верхней части стенок – 30 см. Вдоль западной стенки около северо-западного угла сделана выстилка из одного ряда кирпичей плашмя (длина 90 см, ширина 70 см).

Погр. 4290 на Раскопе 19

Золотое навершие заколки для волос из погр. 4290

На ней лежала значительная часть человеческих останков, причем частично *in situ*. Погребение – двойное. Основная часть костей принадлежала женщине 40-50 лет, второй погребенный – ребенок 5-15 лет. Женщину положили на левый бок, головой на северо-запад. Положение ребенка не определяется. Прослеживается два грабительских лаза: один в северо-западном углу; второй – над котлованом, который расположен перед цистой. Судя по

частичному сохранению сочленения костей женщины, можно сказать, что ограбление совершалось вскоре после захоронения.

Золотые погребальные приношения из погр. 4290

В заполнении цисты, в верхних слоях (видимо, оброненные грабителями) найдена женская терракотовая статуэтка; вне пределов цисты, в северной части котлована – фрагмент кремневого наконечника стрелы. Над

Золотое изделие с Раскопа 19
(3-4 м к западу от погр. 4150)

порогом цисты, на высоте 30 см была найдена золотая круглая бусина, а снаружи от него – 1 банковидный керамический сосуд. В северо-восточном углу цисты, на высоте 50 см от уровня пола найдено коническое навершие заколки для волос и золотая серьга.

Кроме того, там же прослеживаются следы бронзовых сплавов, что свидетельствует о присутствии некогда бронзовых изделий. На кирпичной выстилке среди костей человеческого скелета обнаружено золотое навершие булавы в виде

круга с восьми-лепестковым цветком. За затылком женщины стоит 1 керамический сосуд (кубок на ножке), перед ее лицом на полу стояла вверх ножкой ваза, а у темени – небольшой конический сосуд. В южном котловане находился толстостенный крупный сосуд.

Из находок, не привязанных к определенному погребению, надо назвать необычный предмет из золотой фольги, напоминающий застежку, который был найден в 3-4 м к западу от погр. 4150.

Раскоп 22

На раскопе 22 также проводились раскопки погребений. Всего исследовано 15 могил, 10 из которых было устроено в подбоях, а 5 – в грунтовых ямах. Из всех погребений можно выделить № 4236. Оно устроено

около южной группы погребений собак, ограничивающих царские могилы, в подбое.

Сохранился заклад из девяти вертикально стоящих кирпичей, три из которых упали в области головы. Погребенная молодая женщина 23-30 лет лежала на правом боку головой на север. Ноги согнуты в коленях, руки – в локтях. Кисти находятся перед лицом. Рядом с ее локтями лежит голова новорожденного. Он уложен на левый

Погр. 4236 на Раскопе 22 бок

(голова на север), ноги и руки согнуты. Ноги младенца упираются в колени женщины. Можно предполагать, что женщина и ребенок умерли или во время или почти сразу после родов.

Между локтями женщины, около костей предплечий находилось 2 бронзовых браслета (не надеты на руки, а лежали на полу). Также рядом, но, видимо, надетым на руку, находился браслет из полудрагоценных камней (лазурит, красный и белый камни). На 4-м пальце правой руки женщины надето бронзовое колечко.

Браслет из полудрагоценных камней из погр. 4236 на Раскопе 22.

Кроме описанных выше находок, на территории дворца Гонура во время проведения уточняющих стратиграфических исследований в пом. 220 около его южной стенки обнаружена стеатитовая фигурка собаки; а в верхнем слое, без связи с какими-то сооружениями – стеатитовый косметический флакон с бронзовым аппликатором. На одной стенке каменного сосуда выгравировано изображение гор, а на другой – тюльпана.

Фигурка собаки из Дворца Северного Гонура.

Стеатитовый косметический флакон с бронзовым аппликатором из верхнего слоя Раскопа 22.

Стратиграфические и топографические исследования

Эти исследования состояли из нескольких блоков: архитектурное и топографическое памятника, геодезическая фиксация вновь выявленных сооружений за полевые сезоны осени 2012 – весны 2013 гг., продолжение составления и заполнения ГИС электронного плана памятника, работа по градостроительному анализу сооружений, уточнение периодизации строительных фаз зданий дворца и кремля

Архитектурное и топографическое исследование всей территории городища Гонур-депе, вскрытой раскопками в предыдущие годы проводили архитекторы В.И. Артемьев и А.М. Урманова в период с 11 апреля по 24 мая. Геодезическая фиксация вновь выявленных сооружений выполнялась ими же совместно с геодезистом М.А. Бочкаревой. Были выполнены подробные обмеры новых раскопов 19, 18, 12. Кроме того, с помощью лазерного тахеометра (М.А. Бочкарева) были уточнены и взаимоувязаны разные части генплана на территории свыше 100 га. Имеется в виду взаимосвязь всех периферийных участков съемки (теменос, P16, P17, P18, P14, P13 и царский некрополь) с дальностью между ними более 150 м, которые сложно выполнять вручную. В настоящий момент такая съемка позволила точно зафиксировать все части генплана и посадить его на рельеф, добавив достаточное число высотных отметок. Все планы, приводимые в данном отчете и которые будут использоваться в будущем, выполнены именно данными специалистами.

В.И. Артемьевым и А.М. Урмановой продолжена работа по градостроительному анализу сооружений. В том числе определена типология застройки с целью выявления улиц, проходов, дворов, площадей, полуоткрытых (айванов) и перекрытых помещений (составлена гипотетическая система перекрытий, крыш зданий для оценки и структуризации застройки на 1 фазу строительства). Уточнены параметры

двух северных комплексов внутри каре, разделенных ранее улицами, а затем перестроенных футляром.

Предложены два варианта использования сооружения типа «кельи». Возможно, с ритуальной целью, для «запечатывания *воздуха*», как одной из четырех священных стихий. Вторая наша версия более прагматична. Если древнему строителю требуется поднять некую платформу подиума на высоту от 1 до 1,5м, то можно это сделать двумя способами:

- *первый* – это заполнить все пространство некоего кирпичного «ящика» песком или землей, уплотнив и сделав по засыпке приподнятый пол подиума,
- *второй* – настелить такой пол из кирпича поверх арок, которые и образуют систему «келий», которые здесь точнее назвать «капсулами». Очевидно, что второй способ более экономичен и часто применялся не только на Гонуре. Впрочем, возможно, сооружение этих платформ и связано с неким ритуалом, который пока не известен.

Продолжено уточнение периодизации строительных фаз. В.И. Артемьевым, А.М. Урмановой, совместно с археологами М.М. Потаповым и С.А. Лаптевым выполнено и описано 9 стратиграфических разрезов на территории дворца, что позволило уточнить периодизацию строительства в конкретных местах. Выявлены особенности полов, выстилок, подсыпок при строительстве. В целом, зафиксировано 7 строительных фаз, из которых подтвердились 3 основных, описанных ранее В.И. Сарияниди.

Следует подчеркнуть, что приведенная периодизация касается только фаз строительства и не привязана стратиграфически к конкретным культурным слоям и датам обживания городища. Это следующая стадия предполагаемых работ.

Систематизация некоторых архитектурных элементов.

Продолжена работа по электронной типологии сооружений, при разделении их слоев на:

- храмово-ритуальные
- дворцово-парадные

- ремесленные или иные производственные
- оборонительные
- ирригационные
- погребальные

При исследовании ирригации Гонура с помощью электронного тахеометра были составлены профили уклонов некоторых основных русел протоков и каналов, что позволило уточнить их периодизацию.

Уточнены особенности устройства ритуальных и бытовых печей с разделением их на «правые и левые». Уточнены входы и подъемы на «песчаные комнаты». Найдены примеры арок и сводов и обмерены в разных частях раскопок. Выполнена графическая реконструкция нескольких архитектурных элементов:

- Стена Кремля с башней и ритуальной печью внутри
- «Храм с кельями» на Р18
- Мастерская гончара с большой керамической печью (Р. 11)

Археозоологические исследования на Гонур Депе

Археозоологические исследования проводились как Р.М. Сатаевым на самом памятнике, так и Л.В. Сатаевой в лабораторных условиях. Они включали два аспекта – археозоологический (изучение остатков животных использованных в пищу и в ритуальной практике) и сидементологический (изучение особенностей формирования культурного слоя).

В ходе *археозоологических* исследований, были изучены костные остатки животных, происходящие из 41 погребения, (раскопы 8, 12, 13, 17, 17а, 18, 19), 23 помещений (раскопы 6, 12, 18, 19), а также изолированных объектов с животными ритуального назначения (лунки-жертвенники р.19 пом 21, «комплекс в очаге» р.19 пом. 29-30).

Выявленные виды в большинстве своем являются типичными для памятника и включают из домашних форм: мелкий и крупный рогатый скот,

свинью, верблюда, осла, собаку; из диких видов: джейрана, благородного оленя, зайца-толая, лисицы-корсака. Редкой находкой является отпиленный выше основания фрагмент рога оленя, который был уложен поверх лунки-жертвенника в пом. 21 р.19 (похожий фрагмент рога оленя был встречен на р.18). Кроме остатков млекопитающих археозоологические сборы включают единичные кости птиц и среднеазиатской черепахи.

Отдельного обсуждения заслуживает материал из погребения 4300 р.19. Здесь, на дне круглого котлованы со стенами обложенными сырцовым кирпичом было выявлено 3 локальных скопления костей животных, предположительно имеющих ритуальное назначение. Первое скопление включает 339 костей млекопитающих, из которых до рода и вида определено 171 кость. Определимые остатки принадлежат КРС (146 костей, 85,4%), МРС (18 - 10,5%), свинье (5 - 2,9%) и ослу (2 - 1,2%). Скопление 2 – включает 229 костей млекопитающих (до рода и вида определено 186 костей), 2 фрагмента костей птицы и фрагмент VII-го шейного позвонка человека. Здесь выявлены остатки КРС (64 кости, 34,4%), МРС (107 – 57,5%), свиньи (6 – 3,2%), осла (2 – 1,1%), джейрана (7 – 3,8%). Отметим, что кости джейрана представлены фрагментом нижней челюсти и шестью резцами, которые вероятнее всего принадлежат 1-й особи. Скопление 3 – состоит из костей 1-й особи КРС (часть позвоночника – 7 шейных и 12 грудных позвонков, 5 фрагментов ребер, левая лопатка, плечевая, лучевая и локтевая кости, левая половина тазовой кости) возраст которой оценивается в широком диапазоне от 1,5 до 3,5 лет (дистальные эпифизы перечисленных костей конечностей приросли, а проксимальные нет), а также 3-х костей МРС (фрагмент ребра, фрагмент диафиза плечевой кости и диафиз большой берцовой кости).

Анализ изученного материала показывает, что кости из скоплений «1» и «2» происходят от одних и тех же туш животных (выявлены совместимые элементы скелета и части фрагментов), что не позволяет рассматривать их как самостоятельные комплексы. Существенно, что элементный состав костей не несет признаков целенаправленного отбора или подбора, которое

характерно для ритуальных объектов. Кроме того, в обоих скоплениях высок процент мелких невыразительных фрагментов со следами раскалывания и озоления (на неопределимые фрагменты в скоплении «1» приходится почти половина – 49,5%, в скоплении «2» – 18,8%), что характерно для кухонно-бытовых отходов. Небольшое число особей, от которых происходят остатки (минимальное число особей КРС – 2, овцы – 4, козы – 2, свиньи – 1, осла – 1) указывают на очень короткое время их накопления, или более вероятно – на единовременный сброс в котлован кухонных отходов. Таким образом, скопления «1» и «2» не являются ритуальными объектами, как первоначально предполагалось.

Сложнее обстоит вопрос относительно назначения и происхождения скопления «3». Обращает на себя внимание факт селективного захоронения – вместе с частью позвоночника КРС обнаружены только левые кости конечностей (кости МРС примешаны). Примечательно, что схожий объект (погребение 4164) ранее уже отмечался в пределах раскопа 19. Он представлял собой самостоятельное захоронение части позвоночника КРС (в сочлененном состоянии 7 шейных, 8 первых грудных позвонков, правое и левое первое ребро, 3 фрагмента ребра), но его ритуальное назначение вызывало сомнение. Выявление нового аналогичного объекта, по-видимому, позволяет рассматривать упомянутые захоронения, как одну из форм ритуального использования животных.

Сидементологические исследования проводились в пределах раскопа 19 и 22. Отдельные их результаты представляют особый интерес. На северо-западной окраине Р 18, под расчищенными отвалами был заложен стратиграфический шурф (2 х 4 м), пройденный на глубину 240 см. В шурфе были вскрыты следующие отложения (сверху вниз): 1) Суглинок лессовидный, коричневатый, уплотненный, содержащий многочисленные фрагменты керамики. Видимая мощность 50 см. Слой, по-видимому, представляет собой остатки отвала; 2) Суглинок лессовидный, светло-коричневый, рыхлый, слабо слоистый, с множественными карбонатными

новообразованиями, содержащий фрагменты керамики, костей животных, древесного угля. На глубине 70 см от кровли слоя, выделяется прослойка (мощностью 5-10 см) серого цвета, с высоким содержанием золы, мелких угольков, кусочков обожженной глины. Общая мощность слоя 140 см; 3) Суглинок сизовато-серый, легкий, рыхлый, со следами ожелезнения, с отпечатками стеблей и семян растений (злаков?). Верхняя граница слоя неровная, нижняя четкая. Мощность – 20 см; 4) Песок алевроитистый, желтовато-серый, без включений. Видимая мощность – 30 см. Слои вскрытые в шурфе наклонены в северном направлении под углом 10^0 – согласно поверхности древнего рельефа.

В изученном разрезе привлекает внимание наличие горизонта сизовато-серого суглинка. Ранее, подобные образования, выявлялись лишь мозаично в основании культурного слоя под строениями на разных участках раскопа 18. Было выдвинуто предположение, что это остатки слоя образованного регулярными наносами реки, которые на ранних этапах истории города использовались под посевы, т.е. *следы лиманного орошения*. Представлялось, что слой этот был крайне маломощным (3-5 см), а его распространение ограничивалось центральной частью Р 18. Полученные данные показывают, что слой имел широкое распространение и более значительную мощность (по восточной стенке шурфа этот слой достигает 30 см), а использование под посевы заливаемых участков являлось обычной практикой.

Исследование состава медных сплавов на Гонур Депе

В составе Маргианской археологической экспедиции весной 2013 г. работали проф. Э. Перничка и ассистент Ш. Краус (Германия). Главной задачей их работ было исследование химического состава металлических изделий Гонура, для определения использованных сплавов. Кроме того, было исследовано, использовались ли конкретные сплавы для отливки различных типологических групп для того, чтобы получить информацию о возможном

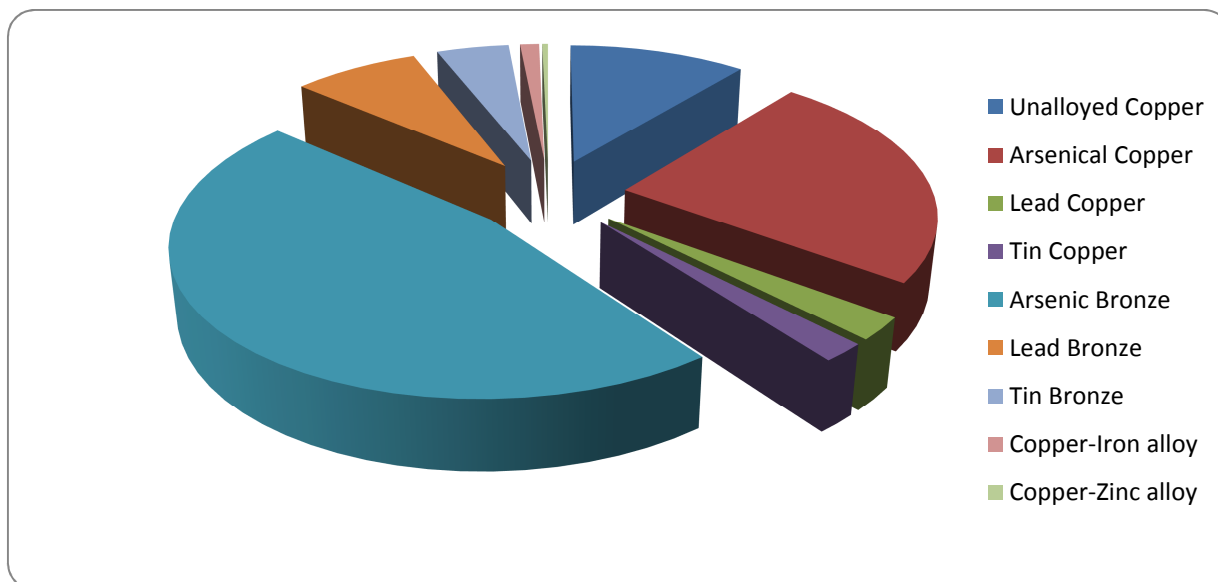
выборе материалов. Анализ поверхности объектов проводился с помощью переносного Рентгено-флуоресцентного спектрометра (Нитон XL3t 980-хе), что позволяет быстро, не разрушая предмет, проанализировать его и получить сведения о присутствии нескольких элементов. Работы проводились как на самом Гонуре, так и в Марыйском музее. Всего исследован 871 объект: 57 – на Гонуре, в процессе раскопочных работ, 321 – из экспозиции и 493 из хранилища в Музее г. Мары. По форме и функциям изученные предметы можно разделить на шесть групп. Половину металлических изделий представляют ювелирные изделия (в основном декоративные булавки, браслеты и кольца) и туалетные принадлежности, такие как зеркала, пластины и косметические лопаточки. Вторая группа состоит из сосудов (чайники, миски, флаконы), вооружения, в том числе ритуальных топоров, инструментов и печатей.

На основе их химического состава изученные металлические предметы могут быть отнесены к пяти типам сплавов. Кроме того, определялся состав золотых и серебряных артефактов. За исключением некоторых предметов из свинца, объекты в основном относятся к сплавам на основе меди. Три объекта состоят из мышьяка, железа и медных сплавов.

Исследованные золотые предметы – это исключительно ювелирные изделия (в основном серьги). Они состоят из золотых и серебряных сплавов с содержанием меди до 4%. Это говорит об отсутствии преднамеренного добавления меди, золота, так как естественное содержание этой примеси только несколько 100 мг/кг меди. Проанализированные серебряные предметы – это также украшения и некоторые небольшие сосуды, такие как кубки и маленькие тарелки. Все серебряные объекты имеют значительные включения меди в пределах от 0,1 до 35%, которые указывают на систематическое добавление меди в большинстве случаев.

Объекты из медных сплавов делятся на несколько групп в зависимости от того, какой металл добавлялся, а именно мышьяк, свинец, олово или цинк. Медные объекты с 1–3% мышьяка мы называем «мышьяковистой медью».

Есть также ряд объектов с низкой концентрацией олова и/или свинца (ниже 3%), и это не вполне ясно, является ли это намеренным или случайным, т.е. была попытка плавки полиметаллических руд или, что более вероятно, использовалась утилизация металлолома.

Диаграмма, иллюстрирующая распределение медных сплавов изученных объектов с Гонур Деле (Unalloyed Copper – медь без примесей – 93 предмета; Arsenical Copper – Мышьяковистая медь – 206 предметов; Lead Copper - Свинцово-медные сплавы 21 предмет; Оловянистая медь - Tin Copper – 17 предметов; Мышьяковистые бронзы - Arsenic Bronze – 396 предметов; Свинцовые бронзы - Lead Bronze – 66 предметов; Оловянистые бронзы – Tin Bronze – 38 предметов; Медно-железные сплавы – Copper-Iron Alloy – 10 предметов; Медно-цинковые сплавы - Copper Zinc Alloy ("Brass") – 3 предмета) (составлено: Перничка и Краус, 2013).

Кроме мышьяковистых отмечены свинцовые и оловянистые бронзы (содержание каждого элемента, по меньшей мере 3%), в котором явно имеет место преднамеренное добавление этих металлов. Часто мышьяк и свинец появляются вместе в качестве легирующего элемента. В этих случаях сплав называется в соответствии с доминирующей легирующей компонентой. Медные объекты, в которых другие элементы составляют менее 1% называются «нелегированной медью». Кроме того, имеется ряд медно-железных и три медно-цинковых сплава («медь»), которые содержат до 20% цинка.

Хотя не было обнаружено никакой сильной связи между типом сплава и

видами объектами, некоторые тенденции все же могут быть прослежены. Общее число объектов из мышьяковистой меди и мышьяковистой бронзы доминирует и вместе составляют около трех четвертей проанализированных сплавов. Проведение границы по 3% мышьяка, конечно, произвольно и вполне может допускать, что на самом деле это был один вид материала. Как недавно было показано, мышьяк может быть легирован медью с добавлением так называемых «спайсов» – мышьяковистого железа, что может быть достигнуто путем обжига арсенопирита, минерала, который обычно присутствует в медных месторождениях. Тем не менее, концентрация мышьяка не может быть жестким критерием в этом процессе и, следовательно, распространение содержание мышьяка в мышьяковистых сплавах проявляет значительно большую изменчивость, чем в оловянистых.

Анализ также показал, что свинцово-медные сплавы предпочтительно используются для производства флаконов и некоторых косметических лопаточек. Инструменты и вооружение изготавливались из мышьяковисто-медных сплавов. Оловянистая бронза использовалась в основном для небольших чаш и ритуальных топоров. Использование медно-цинковых сплавов довольно необычно для раннего бронзового века и не может быть связано с определенным типом предметов. Также не вполне ясно, были ли эти сплавы произведены намеренно или они являются случайными продуктами. Некоторые ювелирные изделия показали поверхностное покрытие (чаще посеребрение) с целью создания специфических цветовых контрастов.

Тем не менее, вопрос о происхождении используемого сырья для металлических предметов с Гонур-депе пока не может быть решен окончательно. Необходимо определить паттерны микродобавок и основные сигнатуры изотопов. Эти анализы можно осуществить при помощи световой микроскопии и сканирования с помощью электронного микроскопа.

Все текущие работы по реставрации найденных в процессе раскопок предметов (металлических, костяных, керамических) проводились М.Б. Беглиевым. Кроме того, как и в предыдущие сезоны, реставраторы из ГосНИИ реставрации МК РФ – реставратор высшей категории Н.А. Ковалева и реставратор первой категории Г.Э. Версоцкая продолжили исследования, консервацию и реставрацию гонурских мозаик. Все работы проводились в Музее изобразительных искусств в г. Ашхабаде.

Г.Э. Версоцкой проводился разбор и систематизация разрозненных фрагментов мозаичного декора из гробницы 3210. Было выполнено следующее:

- Выполнены прориси мозаичных фрагментов и уже смонтированных композиций фризов, находящихся в экспозиции Музея.
- По возможности, подобран фотоматериал полевых съемок процессов расчисток обнаруженных мозаик.
- Подобраны, укреплены и склеены детали отдельных модулей мозаики.
- Сделана попытка систематизации разрозненных фрагментов мозаичных модулей при помощи выполненных прорисей для возможной реконструкции утраченных участков фризов “Противостояние грифонов”, “Крылья”, “Змеи, поедающие козлят”, “Рыбы-крылья” и, так называемая “Центральная композиция “(Круг, обвитый змеями, поедающими козлят).
- В процессе изучения мозаичного материала из погребения 3210 выявлены новые персонажи.

1. Прориси.

В начале работы выполнены прориси всех фрагментов композиций и фризов, обнаруженных в погребении 3210. Прориси сняты как с фрагментов уже смонтированных на новую основу, так и с фрагментов, которые прошли только цикл полевой консервации и были укреплены лишь профилактической заклеивкой. Были отмечены особенности и система

монтажирования мозаичных модулей из разных материалов, из которых составлена композиция мозаик.

На прорисях уже смонтированных фрагментов фризов отмечены места не точной или произвольной монтажки. Всего прорисовано:

- 5 фризов и фрагментов фризов
- так называемая «центральная композиция»,
- композиция «Грифон в картуше»,
- 3 фрагмента Композиций с грифонами,
- 1 фрагмент “Рыбы-крылья”,
- отдельные детали (пока еще не очень понятных крупных мозаичных вставок, похожих на сложенные крылья или хвосты), относящихся к фризу “Противостояние грифонов”.

Выполненные прорисы композиций, и отдельных деталей фризов в дальнейшей большой работе по разбору и систематизации отдельных разрозненных модулей, станут своеобразными шаблонами, с помощью которых будет возможно выстроить предварительную систему подбора фрагментов из огромной коллекции обнаруженных разрозненных мозаик.

2. Подбор фотоматериала полевых съемок.

Архивная полевая фотосъемка фрагментов мозаичных вставок, подобранная нами в процессе работы, является для нас одними из самых важных документов, которые зафиксировали артефакты *in situ* в еще не тронутom виде. Для дальнейшей работы нами были подобраны и распечатаны фотографии полевой съемки фрагментов мозаичных композиций, обнаруженных в поле, а также фрагменты и детали исследуемых участков, что дало возможность проконтролировать особенность авторского материала.

Например, изучая фотографии полевой съемки обнаруженных *in situ* “Крыльев”, было замечено, что мозаичные модули перьев, из которых составлены крылья композиции, уложены (смонтрованы) в определенном шахматном порядке с промежутками, окрашенными с лицевой поверхности в

красный или черные цвета. Однако, на предварительно смонтированных фризах, эта система не везде соблюдена, и часть мозаичных модулей уложена плотно друг к другу.

Подобная неточность предварительной монтировки была замечена также на смонтированной в гипс композиции «Рыбы-крылья», сохранившейся фрагментарно. При внимательном изучении оказалось, что мозаичные модули перьев крыльев, выполнены из разных материалов – минерала (возможно известняк) и другого менее плотного светлого материала. Модули перьев, выполненные из разных материалов, чередуются в определенной последовательности. Но, на смонтированных в гипс мозаичных модулях эта последовательность уже нарушена, также утрачена часть деталей, зафиксированная на фотографии в процессе полевой консервации. Но, как оказалось, утраченные детали были обнаружены упакованными в отдельные пакеты с разрозненными деталями.

По предварительным выводам, сделанным в процессе изучения полевого материала, композиция «Крылья», смонтированная на отдельный планшет, возможно, является частью более сложной композиционной схемы, в которую входят «Композиции с крыльями » и «Противостояние грифонов».

Однако, для полной реконструкции изображения, пока еще не хватает некоторых связующих деталей, которые были замечены нами на полевых фотографиях, но утраченных затем в процессе полевой консервации. Возможно, они также находятся среди разрозненных деталей.

3. Консервация, подбор и склейка деталей отдельных модулей мозаики.

В процессе работы по разбору отдельных фрагментов мозаик были укреплены структурно разрушенные мелкие фрагменты, а также подобраны и склеены многие разрозненные детали, в том числе:

- детали фриза” Противостояние грифонов“ - крылья-хвосты
- ноги грифонов,
- змеиные шкурки, возможно, из «Композиций со змеями» и так

называемой «Центральной композиции».

Проведена консервация фрагмента фриза с грифонами (Инв. 77) и сохранившегося фрагмента с отпечатком красочного слоя на лесе обводки хвоста «Грифона в картуше» (Инв. 72).

Фрагменты были укреплены, расчищены, тыльная поверхность зафиксирована профилактической марлевой заклейкой. После этого с фрагментов были сняты прориси для дальнейшей работы. Подобраны и склеены детали к фризам «Змеи поедающие козлят».

4. Систематизация разрозненных мозаичных модулей.

В процессе работы над прорисями фризов и фрагментов композиций были также сняты прориси отдельных деталей фризов, из которых выстроены композиции изображений. В процессе работы по разбору и систематизации отдельных разрозненных модулей эти прориси стали своеобразными шаблонами, с помощью которых удалось выстроить предварительную систему подбора фрагментов по композициям из огромной коллекции обнаруженных разрозненных мозаичных вставок.

Например, только среди крыльев выделено четыре вида:

- 1- Крылья (верхнего) фриза «Крылья» с крупным, слегка заостренным снизу основанием, из сплошной мозаичной пластины и четырьмя рядами перьев, расположенных в шахматном порядке с раскрашенными по лессу вставками.
- 2- Крылья грифонов из фриза «Противостояние грифонов» с характерным для этого вида основанием крыла, сужающимся книзу и тремя рядами перьев, уже более мелких и коротких, чем первый.
- 3- Крылья «Грифонов в картуше» составлены из трех рядов перьев с характерно загнутыми верхними перышками и своеобразным изгибом самого крыла.
- 4- Композиция «Рыбы-крылья», сохранившаяся фрагментарно, имеет свой особенный тип крыльев. Они составлены из трех или четырех

рядов прямых, длинных перьев, выполненных из разного материала, чередующегося в определенной последовательности.

С помощью выполненных шаблонов, удалось разобрать по видам и систематизировать несколько упаковок, заполненных разрозненными мозаичными деталями крыльев.

Таким же образом, с помощью выполненных прорисей-шаблонов, были разобраны остальные детали фризов из погр. 3210. В процессе разбора разрозненных деталей обнаружены целые, прекрасно сохранившиеся модули деталей крыла, спины и брюха, которые можно отнести к композиции «Грифоны в картуше» и композиции «Противостояние грифонов», что позволит в дальнейшем, при совпадении всех собранных характеристик, дополнить сохранившиеся модули к фрагментам уже известных композиций и фризов. Дело в том, то на уже смонтированных композициях фризов эти детали сохранились фрагментарно или утрачены.

Еще один важный момент, который необходимо учитывать при систематизации фрагментов – это **система знаков**, проставленных на тыльной поверхности практически каждой крупной мозаичной детали фриза. Нами выявлены шесть знаков – *Сердце*, *Крест*, *Круг*, *Треугольник*, *Перечеркнутый круг*, *Миндалевидный знак*. К сожалению, мы не видели тыльные стороны фрагментов композиций фризов из погребения 3210, смонтированных на новую основу, (это можно узнать только в случае ее перемонтировки). Сохранился только один небольшой фрагмент композиции фриза, тыльная сторона которого не была заклеена. На тыльной поверхности сужающейся книзу детали (крыла-хвоста?) проставлен знак – перечеркнутый круг. Еще один знак – круг (но, к сожалению, только его фрагмент) проставлен на ноге грифона. Мы не видим черточку на круге, возможно, она была проставлена в другом положении и/или была утрачена?

В фото-архиве сезона 2004 г. раскопок (из погр. 3210) имеется снимок небольшого фрагмента мозаичной композиции, лежавшей в завале тыльной стороной вверх. На тыльной стороне видны знаки – кресты, которые

проставлены на двух деталях, лежащих рядом – фрагменты тела грифона, промаркированные одним знаком. Т.е. в этом случае вполне логично предположить, что одна композиция маркировалась с тыльной стороны одними знаками, другая подобная композиция другим. Отдельные детали ног грифонов показывают, что все ноги промаркированы разными знаками. Это позволяет поставить такой вопрос: «Совпадает ли количество подобных композиций с количеством знаков?»

Много уже возникших вопросов можно было бы решить в случае изучения тыльных сторон фриза «Противостояние грифонов», который уже смонтирован на новую основу и находится в экспозиции Музея изобразительных искусств. Необходимо заметить также, что остаются пока еще сотни деталей и фрагментов мозаичных вставок, которые пока не укладываются ни в одну из композиционных схем.

5. Новые мозаичные персонажи.

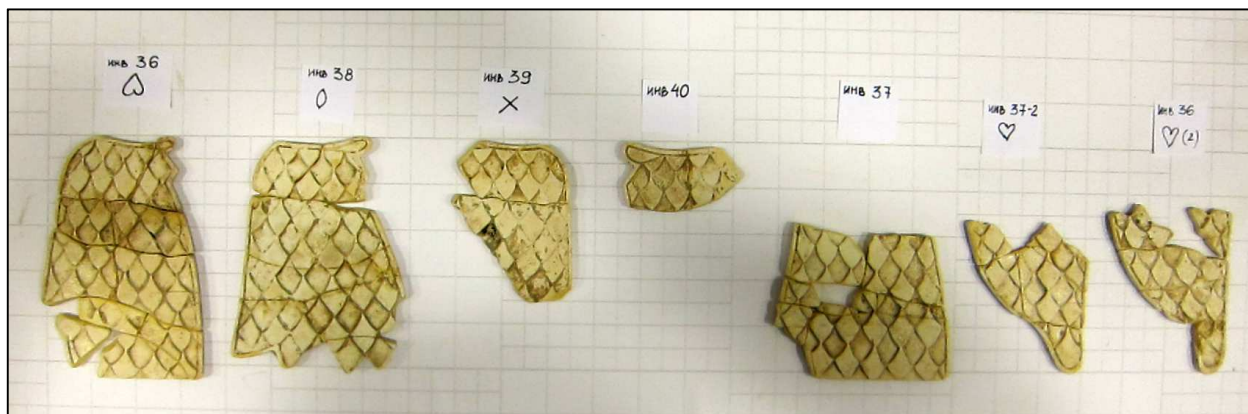
В процессе изучения и описания мозаичных модулей голов грифонов с открытой пастью, были замечены особенности в изображении некоторых из этих персонажей, которые были выделены в отдельную группу. Это – пять деталей голов, две из которых повернуты в левую, а три в правую сторону (Инв. №№ 11-15). Все они выполнены из минерала (известняка?), на всех них изображено жало (язык?), торчащий из пасти, а на щеках за открытой пастью имеется продолговатое углубление («мешочек», некогда заполненное (раскрашенное) черным пигментом. Подобные характерные «мешочки» имеют все гонурские змеи из фриза «Змеи, поедающие козлят».

Еще три головы (Инв. №№ 6, 6-1,7), выделяющиеся своими более крупными размерами и имеющие подобные «змеиные мешочки» за щеками, тоже выделены в отдельную группу (драконов?).

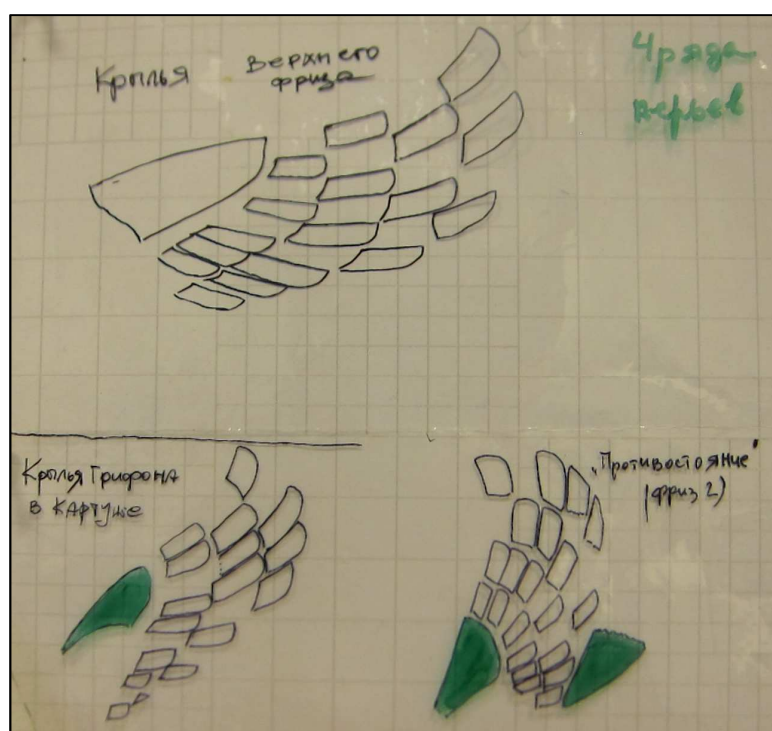
По результатам этого этапа работ удалось сделать некоторые предварительные выводы. В процессе работы часть мозаичных модулей мозаичного декора погребения 3210 была укреплена и склеена, что позволило восстановить утраченные формы и размеры более крупных

мозаичных вставок фризов. Были отмечены многие технологические особенности и системы монтирования фрагментов, что в дальнейшем позволит более точно провести работу по восстановлению и реконструкции сложной композиционной схемы мозаичного декора царских погребений Гонура. Теперь, после разработанной системы разбора и систематизации фрагментов, необходимо будет проделать еще большую часть работы и попытаться разобрать все модули фрагментов по композициям.

В результате этой работы будет возможно определить количество однотипных композиций декора и композиционную систему их расположения на стенах погребального помещения, для возможности реконструкции утраченного древнего облика царской гробницы.

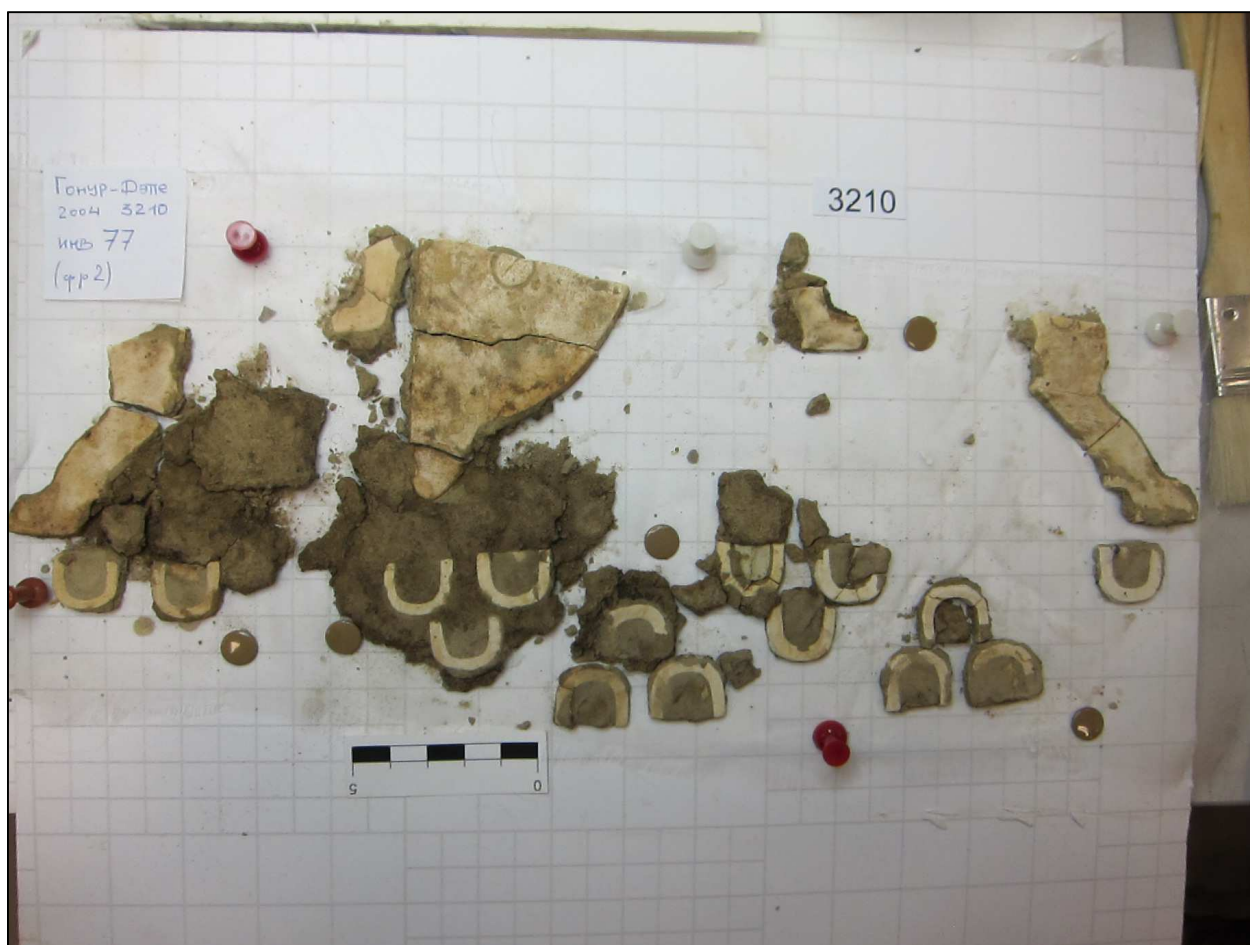
Гробница 3210. Детали «хвосты и крылья» от фриза «Противоборствующие грифоны»

Прорисовка крыльев от фриза «Противоборствующие грифоны» из гробницы 3210

Перья от крыльев из гробницы 3210

Знаки на тыльнике фрагмента фриза из гробницы 3210

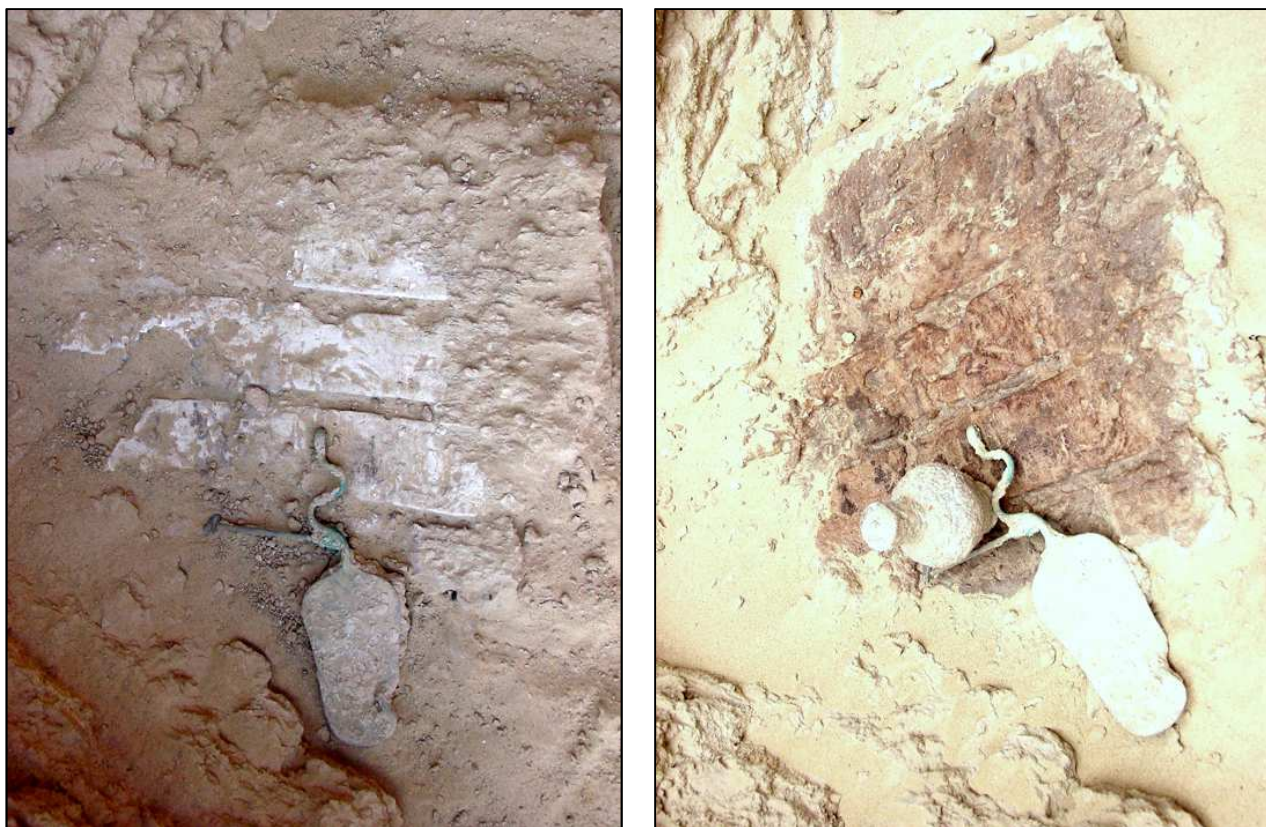
Знаки на тыльных сторонах «ног
грифонов» из гробницы 3210
Головы змей из камня. Гробница 3210

Головы «Большого змея».
Гробница 3210

Ковалева Н.А. проводила работы с живописно-мозаичной композицией «Коврик» из гробницы 3200. Фрагменты были обнаружены во время раскопок весны 2004 г. Это – первая мозаичная композиция на царском некрополе Гонура. Он находился в западной комнате «дома мертвых» гробницы и лежал горизонтально лицевой поверхностью вниз. На фотографии, выполненной в поле, хорошо видно, что тыльная сторона его после расчистки была укреплена.

Фрагмент мозаики «коврик» в процессе расчистки в завале гробницы 3200 до укрепления (справа) и после (слева).

И все же при изъятии фрагмента из завала этого укрепления оказалось недостаточно, и фрагмент распался на множество мелких частей, которые были настолько хрупки, что даже пробные поиски мест соединения на торцах этих деталей угрожали новыми деформациями. Если бы во время полевых работ после укрепления на тыльную сторону наклеили клочок марли – с использованием любого клея, последствия изъятия этого фрагмента не оказались бы столь печальными. Тем не менее, следует признать, что даже

такое слабое укрепление тыльной стороны спасло эту находку от полной гибели. Таким образом, в лаборатории оказались отдельные части этой композиции в количестве около 100 штук, включая и самые мелкие, где на обломке основы оставался лишь один мозаичный «квадратик». Поэтому удалось из этого крошева собрать несколько относительно цельных фрагментов.

Фрагменты мозаики «Коврик» из гробницы 3200 в лаборатории.

Первым этапом работы с этими фрагментами в лаборатории Музея изобразительных искусств была аварийная консервация – дополнительная расчистка лицевых и тыльных поверхностей от пыли, грязи и лесса завала, удаление остатков укрепляющих материалов, использованных в поле (паралоида Б-72 и поливинилбутираля, а возможно, и еще каких-то клеев, сильно утемняющих отдельные участки мозаик). Затем было проведено укрепление фрагментов растворами БМК-5 в ИПС по технологии,

разработанной в ГосНИИР. Только после этого можно было приступать к разбору частей мозаики, до того слишком хрупких.

Методика полевой консервации и реставрации лессово-ганчевого полихромного декора с использованием сополимера БМК-5 была разработана под руководством В.П.Бурого на базе постоянных работ сотрудников ОМЖ ВНИИР-Госниир в Хорезме (Топрак-кала, II-III вв. н.э.) и Кара-тепе (II-IV вв. н.э., Варахша УП-УШ вв. н.э. и других памятников Центральной Азии), а также – камеральных работ в лабораториях Института.

Укрепление выполнялось с использованием растворов БМК-5 в изопропиловом спирте с добавлением уайтспирита. При расчистке использовался ацетон (см: Ковалева Н.А. «Методические рекомендации. Методика консервации и реставрации фрагментов среднеазиатского полихромного архитектурного археологического декора с использованием растворов сополимера БМК-5». [Отчет по теме 4.2. ГосНИИ Реставрации МК РФ]. Москва, 2005 г. Рукопись хранится в Архиве ГосНИИР; Ковалева Н.А. «Методика полевой консервации и реставрации монументального археологического декора с применением растворов БМК-5» // Настенная живопись Центральной Азии [практическое руководство по консервации]. По материалам регионального симпозиума «Сохранение объектов согдийской настенной живописи», декабрь 2005 г. Душанбе: Представительство ЮНЕСКО в Узбекистане, 2006; Kovaleva N. The methodology of field conservation and restoration of monumental Archeological decor using BMK-5 solutions // Mural paintings Central Asia [A Practical Guide on Conservation]. Tashkent: Academy of Arts of Uzbekistan, 2006)

Основу мозаики составляла плотная масса светло-серого цвета, состоящая из извести и наполнителя – кварцевого песка. Этот материал уже встречался на фрагментах дарохранительницы из погребения 3230, по работе с которой нам также хорошо знакомы и материалы самой мозаики. Здесь почти все мозаичные детали – прямоугольной формы, лишь в орнаментации фрагмента № 6 участвуют треугольные пластинки. В промежутках между

твердыми мозаичными элементами лицевые поверхности местами сохранили следы окраски, выполненной черной, серой и красной красками. Основная часть мозаичных элементов – квадратные детали размером около 0,5 x 0,5 см и толщиной 0,2-0,5 см, выполненные из ярко-белой массы, с гладкой, похоже, отполированной, лицевой стороной. Материал, из которого они выполнены, был определен аналитическими исследованиями, как кальцит (Мазина А.Я. – зав. Сектором ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря и Соколов С.В. - «Результаты исследований материалов из Гонур-депе» (в печати): Проба № 1: Белая мраморовидная тессара (объект 3230 Гонур-депе). Образец тессары плотный, с гладкой поверхностью, размер в среднем 0,6 x 0,6 см. В раздробленном состоянии представляет белый матовый порошок, содержащий редкие включения кремового цвета. Результаты рентгенофазового анализа показали, что основным компонентом для изготовления тессар был кальцит CaCO_3 (98%) с включениями доломита $\text{CaMg}(\text{CO}_3)_2$ (2%) – Писарева С.А. «Результаты исследования состава материалов археологических образцов из раскопок на Гонур Деде» (Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Деде в 2008-2011 гг. М., 2012. с. 192-196).

Неровно «обкусанные», боковые грани тессар заметно скошены к тыльной стороне и имеют очертания не вполне правильной трапеции. Уместно предположить, что изначально эти детали мозаики имели форму кубиков и по мере подготовки к работе с мозаикой их торцы обрабатывались для лучшего сцепления с массой основы.

Также как и в орнаментации «дарохранительницы», эти ярко-белые квадраты составляют основу рисунка: здесь из них также созданы контуры квадратных и треугольных элементов орнамента, а также основные линии в орнаментации линейных элементов. И точно также как и там, они чередуются с пластинками желтоватого оттенка и немного шероховатой поверхностью, толщина которых менее 1 мм. Как и в рисунках мозаики на стенках дарохранительницы из гробницы 3230, желтые пластинки здесь

присутствуют в нескольких форматах:

- 1) квадратные со стороной 0,5 см;
- 2) квадратные же со стороной 1,5 см;
- 3) прямоугольные – размером 0,5х1,5х см;
- 4) прямоугольные размером 0,5 х 1 см (5).

В рисунках дарохранильницы нет желтых деталей, приведенных мною под № 4, зато там есть желтые пластинки из того же материала размером 1 х 1, 5 см., которых нет в «коврике». Но как уже упоминалось, на фрагменте №6 присутствует кайма, составленная из белых треугольных пластинок с шероховатой поверхностью. Катеты этих треугольников равны 0,5 см.

Таким образом, получается, что размеры всех мозаичных деталей и «коврика», и «дарохранильницы» кратны 0,5 см, что говорит об устойчивой, практично продуманной системе в составлении подобных орнаментальных композиций. Поэтому вполне уместно предположение о существовании налаженного производства изготовления материалов для мозаик, которые вряд ли были привозными. Возможно, в каком-то месте Гонура будут найдены следы и остатки мастерских, где заготавливались камни, песок, глина, обжигалась и отстаивалась в ямах известь, отливались, вытачивались, обжигались, раскрашивались и хранились пластинки и деревянные детали для мозаик, растирались пигменты, варились клеевые составы, по имеющимся шаблонам или новым рисункам, где-то здесь создавались живописно-мозаичные композиции. Наконец, вряд ли далеко находилось место, куда выбрасывали неизбежный брак. Надо надеяться, что будущие исследования Гонур Депе помогут найти такие мастерские.

Как и в орнаментации стенок «дарохранильницы» из 3230, пространства между мозаичными узорами «коврика» также были окрашены и черной и красной, а в отдельных случаях серой (черной, разбавленной известковыми белилами) краской. Вся эта орнаментальная конструкция, как уже было отмечено нами при исследовании остатков «дарохранильницы», также, вероятнее всего, была размещена на деревянной пластине. И точно

также, отдельные элементы орнамента были при монтаже разделены стандартными, также, вероятно, деревянными брусками, квадратными в профиле, со стороной 1 см, от которых остались хорошо читаемые пазы.

Во время осеннего сезона работы предполагается перейти к первичному подбору отдельных фрагментов для реставрации первичной композиции.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.

Погребения, раскопанные во время весеннего сезона 2013 г.

Раскоп	Тип могильной ямы								
	Грунто- вые ямы	Подбои	Цист ы	Камер ы	Котло- ван	Печь	В хуме	Не оп- реде- ляется	Все- го
8	2								2
9	3								3
12	14	6 (1 без уступа)	2				1		23
17		2 (1 без уступа)	1						3
18	3	3 – все без уступа (1 кено- таф)		1				1	8
19	30		1		1	1	4		37
22	5	10							15
Вне раскопов	2								2
	59	21	4	1	1	1	5	1	93

Руководитель
Маргианской археологической экспедиции
д.и.н.

В.И. Сарианиди

Зам. руководителя
Маргианской археологической экспедиции
д.и.н.

Н.А. Дубова

Инспектор
Заповедника «Древний Мерв»

М.Ы. Беглиев